

ской арміи, строго религіознаго въ духѣ „Крестовой газеты“; его приверженность одно время къ Австріи, приверженность на столько глубокая, что онъ готовъ былъ бы даже на подчиненную роль Пруссіи, лишь бы одержать верхъ надъ революціей и демократіей. Онъ идетъ такъ далеко въ это время, что оправдываетъ даже уничтоженіе при Ольмюцѣ. Исполненіе обязанностей посла при союзномъ совѣтѣ вылечиваетъ его навсегда отъ всякихъ иллюзій на счетъ союза съ Австріей, и весь второй періодъ его общественной жизни есть приготовленіе къ разрыву съ Австріей и къ побѣдѣ надъ ней. Какая благодарная задача обрисовать, какъ онъ готовилъ войну наперекоръ всѣмъ и всему, какъ онъ рѣшается на нее и заставляетъ Австрію объявить ее; какъ онъ заставляетъ Францію, путемъ надеждъ, объ исполненіи которыхъ онъ и не думаетъ въпослѣдствіи, смотрѣть сложа руки на эту войну, и какъ онъ изъ жестокаго и холоднаго, но вѣрнаго политическаго разсчета, такъ связываетъ Россію, озлобленную съ крымской войны на Австрію, обязательствами, что она предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій. Вотъ опять онъ трудится въ промежуткѣ отъ 1866—1870 года надъ созданіемъ и упроченіемъ сѣверо-германскаго союза, преддверіемъ къ имперіи: онъ изолируетъ Францію, какъ ранѣе изолировалъ Австрію, старается и достигаетъ учрежденія имперіи и обезпечиваетъ ей миръ, не смотря на воинственный задоръ сосѣдей. Его безцеремонность въ средствахъ—несчастіе своего рода, особенно въ виду того, что она имѣетъ послѣдователей. Онъ, быть можетъ, несчастіе для Европы, но чудовищная мощь для своего народа, представляя собою одинаково грозную, какъ соединяющую, такъ и разъединяющую силу. Его практическій гений превращаетъ новую Германію въ его собственный образъ и подобіе. Во многихъ отношеніяхъ, какъ реальныхъ, такъ и умственныхъ, замѣтно вліяніе его рѣзкаго и увѣреннаго въ себѣ практическаго гения. Одинъ старикъ—ученый, который одно время руководилъ раскопками въ Олимпіи, говорилъ мнѣ: „даже въ археологіи въ молодомъ поколѣніи замѣтно вліяніе Бисмарка“.

Съ чисто теоретической точки зрѣнія Бисмаркъ не стоитъ на высотѣ нѣмецкой культуры. Богатая нѣмецкая философская литература не имѣла на него, повидимому, ни малѣйшаго вліянія.

Нельзя сомнѣваться въ искренности его частыхъ упоминаній о глубоко-христіанской вѣрѣ его въ Бога, въ евангеліе и пр. Онъ называетъ себя: „ein strafgläubiger Christ“ (христіанинъ, не мудрствующій лукаво). Вѣра его показываетъ, если можно такъ выразиться, такую же напряженную выправку, какъ солдатъ